

Парвус Александр Львович

**По тюрьмам во время
революции. Побег из Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Львович П.**
По тюрьмам во время революции. Побег из Сибири / Парвус Александр
Львович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 228 с.

ISBN 978-5-521-27259-4

ISBN 978-5-521-27259-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

По тюрмамъ
во время революціи

I.

Меня арестовали 21-го марта. Околодочный надзиратель обыскалъ мой письменный столъ, заодно уже и письменный столъ моей пріятельницы, жившей въ той же квартирѣ, обыскалъ всю квартиру и попросилъ меня пожаловать съ нимъ въ участокъ. Какъ `водится въ такихъ случаяхъ, насъ сопровождало нѣсколько полицейскихъ. Въ участкѣ я приблизительно три четверти часа имѣлъ возможность наблюдать канцелярскую работу чиновниковъ, а затѣмъ меня перепоручили другому околодочному, который сѣлъ со мной въ открытыя дрожки. Я поглядывалъ на него сбоку, и у меня появилось сильное желаніе толкнуть его такъ, чтобы онъ слетѣлъ на мостовую. Но это, разумѣется, ни къ чему не привело бы. Итакъ я его оставилъ въ покоѣ, и минутъ черезъ двадцать мы пріѣхали въ жандармское управленіе. Мы вошли по широкой лѣстницѣ, затѣмъ узкимъ ходомъ въ сторону и оказались въ какой-то длинной, узкой, скверно освѣщенной каморкѣ. Тутъ мы остались. Я сѣлъ на скамью, которая шла вдоль стѣны.

Тѣсное помѣщеніе было переполнено людьми. Тутъ находилось, между прочимъ, нѣсколько флотскихъ солдатъ, которые, какъ оказалось впоследствии, были приглашены въ качествѣ свидѣтелей. Видъ у нихъ былъ удрученный и запуганный; всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ обратно съ допроса, они крестились и говорили „слава Богу!“

Жандармы безпрерывно приходили и уходили. Они выползали откуда-то справа, изъ какой-то темной дыры, какъ тараканы изъ-за печи, и исчезали полѣстницѣ вверхъ.

Здѣсь было очень скучно и неудобно.

Околодочный, сопровождавшій меня, послалъ наверхъ свои бумаги и долго не получалъ ихъ обратно. Отъ скуки онъ разболтался, сильно либеральничалъ и ругалъ жандармовъ. Потомъ онъ сталъ рассказывать случаи изъ своей полицейской практики. Такъ какъ онъ и этимъ не произвелъ желаемого впечатлѣнія, то онъ опять пустился въ политическія разсужденія. Наконецъ, ему принесли обратно его портфель и такимъ образомъ освободили насъ отъ его присутствія.

Скоро послѣ этого меня отвели именно въ то мѣсто, откуда, какъ я уже раньше замѣтилъ, приходили безпрерывно жандармы. Это было длинное помѣщеніе въ партерѣ съ нѣ-

сколькими окнами, какъ мнѣ показалось, что-то въ родѣ амбара или кладовой, такъ какъ тутъ была наставлена масса стараго хлама, напримѣръ: сундуки, кровати, разломанные столики, большія связки газетъ и т. п. Здѣсь находились жандармы, здѣсь они обѣдали и нѣкоторые изъ нихъ ночевали.

И тутъ, среди жандармовъ, оказалось то же недовольство начальствомъ, та же досадливая критика правительства. Не трудно было видѣть, что у нихъ было для этого достаточно оснований. При мнѣ, напримѣръ, пришли три новыхъ, которыхъ перемѣстили сюда изъ Финляндіи. Для нихъ не оказалось ни кроватей, ни матрацовъ, такъ что они были чрезвычайно рады, когда дворникъ обѣщалъ принести соломы для подстилки на полу. „По положенію должны быть кровати—поучали ихъ товарищи—но только на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ и кровать надо купить самому“. Кровать, какъ оказалось, должна была стоить рубля полтора; но у новопришедшихъ такого капитала не было, а товарищи имъ не помогли. Новоприбывшіе кое-какъ помѣстились на полу, такъ какъ стульевъ для нихъ не полагалось. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что, если бы онъ не обязался на срокъ, то хоть сейчасъ ушелъ бы со службы. Другіе въ одинъ голосъ согласились съ нимъ.

Эти мелкія наблюденія, какъ ничтожны они ни были, пришли мнѣ очень по сердцу. Они показали мнѣ, что процессъ разложенія проходитъ черезъ весь правительственный организмъ. Если правительство для политической полиціи, которая составляетъ ея главный оплотъ, даже въ мелочахъ не позаботилось о самыхъ примитивныхъ удобствахъ, такъ насколько же велико должно быть обнищаніе въ казармахъ и другихъ мѣстахъ!

Я задумался надъ тѣмъ, что меня ожидаетъ впереди. Я не зналъ, по какой причинѣ меня арестовали. Приказъ объ арестѣ шелъ отъ прокуратуры.

Для меня главный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: находится ли арестъ въ связи съ моею дѣятельностью въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ? Если нѣтъ, то рѣчь могла идти только о литературномъ процессѣ. Тогда еще куда ни шло! Но если да, то дѣло принимало серьезный оборотъ. Все это должно было выясниться на допросѣ.

Я всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Жандармы какъ будто не обращали на меня никакого вниманія. Одинъ изъ нихъ разбирался въ какихъ-то бумагахъ, что-то писалъ въ нихъ и опять складывалъ въ связки, механически, съ какимъ-то скучнымъ спокой-

ствіемъ, какъ старый канцелярскій служитель. Другіе сидѣли на полу и дремали. Однако, исподволь они поглядывали на меня и не упускали меня изъ виду. Когда я останавливался у дверей, то подмѣчалъ у того или другого изъ нихъ пытливый взглядъ, который мнѣ ясно показывалъ, что они на сторожѣ.

Явился дворникъ съ большущей вязанкой дровъ и свалилъ ихъ у печи. Затѣмъ онъ сталъ ворочать въ ней кочергой. Я заглянулъ въ печь и увидѣлъ тамъ громадныя кипы бумаги, горячей блестящимъ пламенемъ. Красиво и жутко было глядѣть. Пламя безчисленными языками лизало листы бумаги, которые образовывали раскаленные холмы, дышавшіе кровавымъ огнемъ и утопавшіе въ миріадахъ искръ. Въ этихъ кострахъ сгорала конфискованная литература. Теперь я обратилъ больше вниманія на сложенные у стѣны кипы печатныхъ произведеній. Оказалось, что это была исключительно брошюра Мартова „Классъ противъ класса“. Такъ вотъ чѣмъ наполняли огненную пасть этого чудовища!

Къ вечеру жандармъ, пришедшій откуда-то сверху, заявилъ мнѣ:

— Пожалуйста!

Онъ повелъ меня узкимъ, темнымъ ходомъ, потомъ по большой лѣстницѣ внизъ, и мы

оказались во дворѣ. Тутъ ужъ была приготовлена закрытая карета, не безъ претензій на элегантность, но оборванная и потертая, вродѣ тѣхъ, которыя въ обществѣ погребальныхъ церемоній ставятъ при похоронахъ третьяго класса. Въ карету были запряжены двѣ тошя лошади. Мой проводникъ сѣлъ рядомъ со мной, и мы отѣхали.

— Куда везутъ меня? — спросилъ я жандарма.

— Въ тюрьму — получилъ я въ отвѣтъ.

Безъ допроса въ тюрьму — это ничего хорошаго не предсказывало.

— Въ какую тюрьму отправляютъ меня?

— Въ Выборгскую тюрьму.

— Значить, въ Кресты?

— Вотъ какъ! Вы уже знаете.

— Кто же этого не знаетъ въ Петербургѣ?

Я считалъ полезнымъ, пока не убѣдился изъ допроса, чего домогается Департаментъ Полиціи, оставаться въ роли человѣка, не знающаго политическихъ условій въ Россіи. Я сталъ поэтому разспрашивать жандарма о тюрьмѣ, о томъ, когда мнѣ ждать допроса, показалъ себя очень наивнымъ и добродушнымъ, рассказывалъ о своей мнимой родинѣ Богеміи, о своей мнимой семьѣ и дѣтяхъ и произвелъ — въ чемъ

я въ послѣдствіи убѣдился — вполнѣ желаемое впечатлѣніе.

Экипажъ нашъ нисколько не торопился. Лошади шли умѣреннымъ и разбитымъ шагомъ. Карету трясло, такъ что стекла дрожали. Но какъ медленно мы ни подвигались впередъ, мы все-таки приближались къ тюрьмѣ. Сознаніе этого обстоятельства возбудило во мнѣ не особенно пріятное чувство.

„Нельзя ли уйти? Не попробовать ли какъ-нибудь“?

Я взглянулъ на своего проводника. Это былъ стройный, мускулистый парень, вооруженный саблей и револьверомъ. Если быстро повернуть корпусъ направо, то я могъ бы его схватить за затылокъ и сжать. Лѣвой рукой я могъ бы взять его револьверъ, а всѣмъ тѣломъ придавить своего противника и лишить его свободы движенія. Но какъ бы быстро это ни произошло — борьба, сопровождаемая крикомъ и шумомъ, была бы неизбежна. Кучеръ, разумѣется, немедленно остановилъ бы карету. Бояться его врядъ ли была причина — это былъ обыкновенный крестьянинъ, не обязанный передъ полиціей ни къ чему, который, конечно, заботился бы лишь о томъ, чтобы самому уйти цѣлымъ и невредимымъ. Прохожіе сбѣжались бы, но это, пожалуй, принесло бы мнѣ пользу,

въ виду расположенія, которое населеніе питало къ намъ, политическимъ. Но что, если подойдетъ городской? Это было очень возможно и даже неизбежно, если бы борьба продолжалась. Отнять револьверъ у жандарма мнѣ необходимо, иначе онъ меня застрѣлитъ, какъ только я выпущу его руки. Но если бы мнѣ даже удалось его обезоружить, то онъ, конечно, бросился бы за мною и сталъ бы звать на помощь. Могу ли я рассчитывать, что мнѣ удастся бѣжать и заблаговременно укрыться отъ погони. Врядъ ли! Въ результатъ только самъ выдалъ бы себя и далъ бы возможность возбудить противъ меня процессъ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ; а одного этого процесса уже достаточно, чтобы на продолжительное время изъять меня изъ обращенія. При этомъ я вѣдь еще совершенно не знаю, что меня ожидаетъ. Аресты происходятъ въ Петербургѣ часто по самому ничтожному поводу. Такъ не лучше ли подождать допроса? Посмотримъ, не удастся ли мнѣ вывернуться изъ лапъ жандармовъ.

А все-таки! Быть можетъ, лучше не останавливаться на полпути, а идти на все! Если схватить его обѣими руками, то нельзя ли задушить? Мысль эта какъ молнія промелькнула у меня въ головѣ. Я украдкой поглядывалъ на